

Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917–1928 гг.

Аннотация. На основе опубликованных и неопубликованных документов выявлены изменения в социальной значимости и роли советского закона и социалистического правосознания в Советском государстве в условиях перехода от революционной к социалистической законности в первое десятилетие советской власти.

Негативное влияние низкого уровня юридической техники первых советских законов на правоприменительную деятельность выразилось в необходимости принятия дополнительных ведомственных актов для проведения их в жизнь и широком использовании социалистического правосознания в юридической практике. Наиболее многогранно правоприменительная роль социалистического правосознания проявилась в деятельности народных судов. Ее анализ позволил установить взаимовлияние советских законов и социалистического правосознания. Советский закон был авторитетным путеводителем по социалистическому правосознанию, ставшему, в свою очередь, ключом к пониманию законов и их применению по аналогии в условиях частого изменения правительственного курса.

На примере советской юридической практики 1917–1928 гг. сделан вывод о том, что юридическо-техническая несостоятельность законов приводит к появлению новых регуляторов и стиранию законных пределов дискреционных полномочий органов власти. Авторы доказывают, что социалистическое правосознание советская власть использовала для укрепления механизма Советского государства, создания в его структуре гибкого инструмента для корректировки стремительно устаревающего противоречивого законодательства.

Ключевые слова: советский закон; социалистическое правосознание; советское государство; источники социалистического права; народный суд; советы; советское право; революционное правосознание; советский суд; правовые обычаи.

© Шатковская Т. В., Диденко М. С., 2024

* *Шатковская Татьяна Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002
shatkovskaya.tv@gmail.com

** *Диденко Марина Сергеевна*, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ

ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002
marina.didenko.2022@inbox.ru

Для цитирования: Шатковская Т. В., Диденко М. С. Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917–1928 гг. // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.011-021.

The Role of the Law and Socialist Legal Awareness in Practice of Law of Soviet Authorities and Administration in 1917–1928

Tatiana V. Shatkovskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and the State, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Branch; Professor, Department of Civil Law, Rostov State University of Economics (RINH)
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
shatkovskaya.tv@gmail.com

Marina S. Didenko, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and the State, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Branch
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
marina.didenko.2022@inbox.ru

Abstract. On the basis of published and unpublished documents, the authors explain changes in the social significance and the role of the Soviet law and socialist legal awareness in the Soviet state in the context of transition from revolutionary to socialist legality during the first decade of Soviet power. The negative impact of a low level of legal technique of the first Soviet laws on law enforcement resulted in the need to adopt additional departmental acts to implement them and the widespread use of socialist legal awareness in legal practice.

The most multifaceted law enforcement role of the socialist legal consciousness was manifested in the activities of the people's courts. The law enforcement role analysis made it possible to establish the mutual influence of Soviet laws and socialist legal consciousness. The Soviet law was an authoritative guide to the socialist legal consciousness, which, in turn, became the key to understanding the laws and their application by analogy in conditions of frequent changes in government policy.

Using the example of the Soviet legal practice of 1917–1928, the authors conclude that the legal and technical inconsistency of laws leads to the emergence of new regulators and the erasure of the legal limits of discretionary powers of authorities. The authors substantiate that the Soviet government used the socialist legal consciousness to strengthen the mechanism of the Soviet state, to create in its structure a flexible tool for correcting rapidly outdated unsettled legislation.

Keywords: Soviet law; socialist legal consciousness; Soviet state; sources of socialist law; people's court; Soviets; Soviet law; revolutionary legal consciousness; Soviet court; legal customs.

Cite as: Shatkovskaya TV, Didenko MS. The Role of the Law and Socialist Legal Awareness in Practice of Law of Soviet Authorities and Administration in 1917–1928. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19.(1):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.011-021

Одним из постулатов отечественной юриспруденции считается положение о приоритете нормативных правовых актов над иными формами права. Вместе с тем данное положение не всегда подтверждается современными реалиями и историческим опытом. Наиболее наглядным историческим примером,

обеспеченным достаточным количеством опубликованных и неопубликованных источников, является юридическая практика первого десятилетия советской власти.

Актуальность изучения данного опыта обусловлена рядом причин. Прежде всего важностью исторического момента, в который он

складывался. Это был переходный этап в истории Российского государства, период революционных изменений его формы, отказа от опыта предыдущего государственного строительства и реализации социоконструктивистского подхода к организации управления, основанного на марксистско-ленинской идеологии.

Многочисленные эксперименты, связанные с изменением отношения советского руководства к государству и праву, отразились на юридической практике. Накопленный эмпирический материал имеет существенную научно-практическую значимость. Его анализ позволяет оценить влияние расширения судебного усмотрения на состояние правопорядка, выявить сферы использования альтернативных закону форм права и конкретизировать порядок их использования в юридической практике.

Кардинальная смена общественного строя способствовала появлению новых источников права, отражавших смену целей общественного развития и государственной идеологии, социальной стратификации, ценностных установок в обществе. Примером такого источника в рассматриваемый период стало революционное позднее социалистическое правосознание, широко применяемое в практике советских судебных органов в 1917–1928 гг.

Отмена законов свергнутого правительства и попытка создания государства-коммуны, основанного на широком самоуправлении трудящихся, привела в рассматриваемый период к легализации неорганизованных источников права. Декреты советской власти действовали наряду с правовыми обычаями, актами местных органов власти и общественных организаций, судебной практикой народных судов и революционных трибуналов.

Такое правовое разнообразие, усугубляемое дисбалансом между организованными и

неорганизованными источниками права, бессистемностью декретного права, приводило к ряду негативных последствий. В том числе к противоречиям актов центральных и местных органов советской власти, произвольным трактовкам принципа революционной целесообразности при принятии управленческих решений, стиранию законных границ дискреционных полномочий советских органов и уполномоченных должностных лиц и др.

Вместе с тем популизм советской государственной политики, широкое участие народа в управлении государством и пробельность первых советских декретов способствовали формированию норм советского позитивного права, соответствующих правовым представлениям народа. Достаточно вспомнить Декрет о земле 1917 г., полностью составленный из наказов крестьян. Привычные правила становились юридической нормой. В первую очередь это касалось традиционных правовых институтов, таких как право собственности, распределение земли между землепользователями, наследование, крестьянское самоуправление, семейные крестьянские разделы и др.¹

Не менее важное значение имеет и такой аспект рассматриваемой проблемы, как оценка социального воздействия тех или иных регуляторов в отдельные периоды развития государства, целесообразность и последствия их использования, а также влияние конкретно-исторических событий на содержание источников права и способы их формально-юридического выражения.

В отечественном правоведении различные аспекты рассматриваемой проблемы неизменно вызывают научный интерес. Так, первые исследования роли закона в Советском государстве были опубликованы в 1920-х гг., в их числе выделим труды Н. Н. Алексеева², К. А. Архипова³, Я. М. Магазинера⁴, Э. Э. Понтовича⁵,

¹ Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юрист-Правоведъ. 2008. № 3 (28). С. 87–92.

² Алексеев Н. Н., Тимашев Н. С. Источники права // Право Советской России. Вып. 1 : [Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право]. Прага, 1925. С. 7–29.

³ Архипов К. А. Основные моменты эволюции понятия советского закона // Советское право. 1925. № 5. С. 17–33 ; Он же. Опубликование и вступление в силу советских законов // Советское право. 1926. № 1. С. 13–29 ; Он же. Закон в советском государстве. М. ; Л. : Государственное издательство, 1926.

Л. Успенского⁶. В них предпринята попытка определения природы советских законов, их иерархии и особенностей.

Социалистическое правосознание неоднократно становилось предметом научного осмысления. Первое основательное исследование социалистического правосознания в советский период осуществил Г. М. Португалов⁷. Влияние социалистического правосознания на уголовное право исследовал М. А. Чельцов-Бebutов⁸.

Среди современных исследований, посвященных роли правосознания в осуществлении советского правосудия, выделим монографию В. А. Букова⁹. Он связал кризис правосознания с изменением отношения народа к правосудию, предпринял попытку определить природу революционного правосознания и раскрыл механизм его трансформации в социалистическое правосознание.

Правовому регулированию и значению революционного правосознания в рассматриваемый период посвящен ряд статей других советских и современных авторов.

Вместе с тем правоприменительный аспект соотношения закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления затрагивался фрагментарно. В связи с выявленной актуальностью темы отсутствие исследований можно считать существенным научным пробелом.

Практический интерес вызывает не только способ регламентации правосознания в качестве источника права в законе, но и его применение при рассмотрении конкретных дел, а также изменение социальной значимости и роли советского закона и социалистического

правосознания по мере построения социализма в СССР.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать цель исследования — изучение соотношения роли советского закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов в 1917–1928 гг., их влияния на сознание и поступки правоприменителей, приведшие, в свою очередь, к качественно новым синтезам устойчивых состояний общественной жизни, в том числе в виде идей, убеждений и правовых норм.

Для реализации цели исследования важно понимание того, что созданное в рассматриваемый период право обладало спецификой. Социалистическое право основано на марксистской идеологической платформе. Его существенной особенностью считаем несамостоятельность права, выполняющего инструментально-функциональную роль. Оно рассматривалось как вспомогательное средство осуществления государственного управления и в перспективе должно было отмирать при переходе к конечной цели государственного строительства — коммунизму.

Вследствие этого понимание советского закона и социалистического правосознания с позиций классических концепций правопонимания (позитивистская, социологическая, естественно-правовая) не представляется возможным как минимум потому, что все они базируются на признании непреходящей социальной ценности, значимости и самостоятельности права.

Кроме того, доктринальные положения о праве были сформулированы в условиях буржуазного государства. Советский строй бази-

⁴ *Магазинер Я. М.* Избранные труды по общей теории права / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. К. Кравцов. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006.

⁵ *Понтович Э. Э.* Понятие и значение закона в советском государстве // Советское строительство. 1928. № 7 (Июль). С. 43–57.

⁶ *Успенский Л.* Успехи и трудности социалистического строительства. М. : Издание райсовета Красно-Пресненского района Мособлит, 1931. С. 1–24.

⁷ *Португалов Г. М.* Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. 52 с.

⁸ *Чельцов-Бebutов М. А.* Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, 1924. С. 45, 46.

⁹ *Буков В. А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М. : Археологический центр, 1997.

ровался на социалистических социально-экономических отношениях, коллективистских ценностных установках и имел коммунистические ориентиры развития. Поэтому используемая в юриспруденции первого десятилетия советской власти юридическая терминология получала своеобразное определение и зачастую имела неправоное содержание.

Так, советский закон был абстрактным, собирательным, широким понятием, включавшим акты советских органов государственной власти и управления различных уровней.

В первые месяцы советской власти допускалось моментальное вступление в силу решений местных советов без их санкционирования центральной властью¹⁰. В ситуации отсутствия общеобязательных законов, когда даже конституция носила технический характер, именно местные органы становились творцами советского права. Для них, как писал Д. И. Курский в 1919 г., статьи конституции носят «характер известного примера»¹¹.

По мере укрепления пролетарского государства и централизации государственной власти революционная законность заменялась социалистической. На практике это в первую очередь выражалось в обеспечении единообразия в государственном управлении, лишении местных органов возможности принимать решения, противоречащие актам вышестоящих органов. Им запрещалось, по выражению В. И. Ленина, «позволять себе отсебятину»¹². За деятельностью местных органов устанавливался контроль, в том числе посредством законов высших органов Советского государства.

Данная задача была весьма актуальной. На основании архивных документов нами установлено, что с октября 1917 г. до начала 1920-х гг. правовые нормы создавались крестьянскими сельскими и волостными обществами, волостными комитетами, исполкомами разнообразных местных советов, высшими и центральными

органами советской власти, другими органами и общественными организациями.

Широта полномочий местных советских органов нередко рассматривалась ими как безграничная. Так, Красноярский волостной совет крестьянских депутатов наложил на жителей слободы Красного-Яра контрибуцию. Председатель комитета заявил, что власть на местах принадлежит местным советам, поэтому циркуляры центральной власти для местных советов являются необязательными¹³.

Укрепление социалистической законности совпадает с периодом реализации новой экономической политики (НЭП). Во многом решению данной задачи способствовало создание системы советского законодательства в ходе первой кодификации советского права. Если первые декреты советской власти решали текущие задачи момента, то в кодексах была предпринята попытка выработки общих норм, систематизированных по отдельным отраслям советского права.

Полностью данную задачу выполнить не удалось. Однако в основном была преодолена сложившаяся в первые годы советской власти негативная практика издания законов и самовольной правотворческой деятельности на местах¹⁴, закреплён приоритет законов высших и центральных органов советской власти и управления, обязательность их исполнения на местах.

Классическое понимание закона как акта суверенной воли верховной государственной власти, сложившееся в юридической науке, требовало обособления законодательной власти и, соответственно, закрепления принципа разделения власти. При построении социалистического государства от буржуазных принципов сознательно отказались, поэтому советским юристам приходилось разрабатывать новое понимание закона. При этом юридическое содержание советских законов не получало научного обоснования и развития. Вплоть до принятия Консти-

¹⁰ XXI Ленинский сборник / под ред. М. А. Савельева, В. Г. Сорокина. М. : Партийное издательство, 1933. С. 93.

¹¹ Курский Д. И. На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919–1926. М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. С. 32.

¹² Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1966. Т. 23. С. 468.

¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 6. Д. 576. Л. 149.

туции СССР 1936 г. термин «советский закон» не имел определенного юридического значения, законодательного закрепления и разграничения с иными актами государственных органов.

Особенностью советских законов рассматриваемого периода можно признать отсутствие их четких признаков и свойств. Собственно законами эти акты не назывались. Чаще всего их оформляли в виде декретов, использовались и такие формы, как постановления, положения, указы, резолюции, инструкции, декларации, распоряжения и др. Попытки разграничить данные формы, по меткому выражению Н. Н. Алексеева, лишены юридического содержания и смысла¹⁵.

Такое многообразие, сочетаемое со смешением компетенций, выражаемым в принятии совместных законов верховными и исполнительно-распорядительными органами (к примеру, ВЦИК и СНК РСФСР), делало невозможной не только классификацию законов по юридической силе, но и их разграничение с подзаконными актами. Фактически все законодательство — и общее, и специальное — имело вспомогательное техническое значение и низкий политический авторитет.

Содержание законов зачастую носило декларативный ненормативный характер. Их положения формулировались не на юридическом языке, а скорее на политическом лексиконе, затруднявшем уяснение их смысла. Применение таких законов требовало принятия дополнительных ведомственных инструкций. Поэтому в системе судебных органов сложилась практика непроведения в жизнь закона без соответствующих инструкций от Наркомата юстиции РСФСР (далее — Наркомюст РСФСР). Так, в фондах Наркомюста РСФСР имеется ряд писем на имя

комиссара юстиции Московского уезда с просьбой выслать все инструкции для руководства местного суда. Сообщалось, что за отсутствием таковых дело по организации суда заторможено. Одно из писем подписано председателем волостного суда Дурыкинского района Московской губернии¹⁶. Вследствие этого Наркомюст РСФСР вынужден был издать циркуляр о недопустимости такой ситуации¹⁷.

Низкий уровень юридической техники составления законов был постоянным предметом критики со стороны специалистов¹⁸. Игнорирование правил юридической техники не только затрудняло поиск и использование законов, но и приводило к многочисленным коллизиям, причем не только между законами, но и между нормами одного закона.

В документах обозначенного периода давались еще более жесткие оценки декретов. Их называли скоропалительными, неправильными, неграмотными и негодными¹⁹. Их применение было затруднено отсутствием слаженной системы правоприменительных, в том числе и правоохранительных, органов и в центре, и на местах. Причем речь шла не о далекой глубинке, а о Центральной России.

Технический характер и пробельность советского законодательства, отсутствие в нем четких юридических формулировок и определенных правил поведения в сочетании с быстрым устареванием нормативного материала вследствие регулярного изменения государственной политики способствовали легализации и применению такого источника права, как революционное, а впоследствии — социалистическое правосознание.

Содержание революционного и социалистического правосознания определялось про-

¹⁴ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.06.1926 «Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. 1926. № 39. Ст. 304.

¹⁵ Алексеев Н. Н., Тимашев Н. С. Указ. соч. С. 14.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. О. 9. Д. 32. Л. 3–5.

¹⁷ Циркуляр Наркомюста РСФСР от 11.10.1923 № 212 «О проведении в жизнь законов вне зависимости от издания к ним инструкций» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. М., 1926.

¹⁸ Перетерский И. «Примечания» в законе // Советское право. 1928. № 2. С. 69–71.

¹⁹ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 32.

граммными документами партии большевиков. До марта 1919 г. таким документом была программа-минимум партии РСДРП. Социалистическое правосознание базировалось на новой большевистской программе, принятой на VIII съезде РКП(б).

Различия этих партийных программ привели В. А. Букова к выводу о том, что революционное и социалистическое правосознание нельзя отождествлять, как это делали советские юристы²⁰. Поддерживая эту позицию, добавим, что переименование революционного правосознания в социалистическое во многом связано с укреплением социалистической законности в Советском государстве, выражавшемся в том числе в повышении социальной значимости и обеспечении обязательного соблюдения советских законов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в советской юридической литературе и в высказываниях руководителей Советского государства 1920–1930-х гг. данные термины не разграничены. Однако роль революционного (социалистического) правосознания и его соотношение с законом в юридической практике первого десятилетия советской власти существенно изменились.

Изменения происходили по двум направлениям. Во-первых, в первые месяцы советской власти революционное правосознание имело массовый характер. Его коллективным субъектом рассматривались трудящиеся массы в лице их авангарда — пролетариата²¹. Возможно, вследствие этого революционное правосознание в первых советских декретах выражалось в абстрактных понятиях типа «правосознание трудящихся классов», «революционное коммунистическое правосознание», «революционно-социалистическое правосознание» и др.²²

Революционное правосознание на практике выполняло разнообразные функции. Помимо

источника для восполнения пробелов декретного права, оно использовалось для разрушения идеалов буржуазного законодательства как мерило возможного применения законов свергнутых правительств в условиях советского строя, орудие пролетарской борьбы с буржуазными правовыми ценностями и пр.

С конца 1918 г. источником права можно считать только социалистическое правосознание советских судей, используемое ими при решении дел и назначении наказаний. Вплоть до окончания Гражданской войны допускалось такое широкое применение социалистического правосознания судьями, не обремененными юридическими формальностями, что зачастую законодатель и правоприменитель сливались в одном лице.

Механизм реализации революционной законности приводил к тому, что советское право творилось на все лады и местными органами советской власти, и даже народными судьями. Инструктивно-рекомендательный, пробельный и противоречивый характер советских декретов давал возможность судьям не только усматривать, но и формулировать норму права. Для примера приведем ст. 25 Руководящих начал по уголовному праву 1919 г.²³, содержащую примерный перечень наказаний и предусматривающую их разнообразие в зависимости от каждого конкретного случая и личности преступника.

Во-вторых, в первых советских декретах пределы революционного правосознания определялись интересами революции и революционной целесообразностью. В период Гражданской войны социалистическое правосознание получает не только политико-программные, но и юридические пределы. Оно применялось при отсутствии или неполноте советских законов²⁴.

Так, соблюдение руководящих начал и статей Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. закреплялось

²⁰ Буков В. А. Указ. соч. С. 303, 304.

²¹ Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде». Ст. 8 // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

²² Приказ Народного комиссариата по военным делам РСФСР от 23.07.1918 «О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 612.

²³ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 6. Ст. 590.

²⁴ Декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)». Ст. 22 // Известия ВЦИК. № 269. 08.12.1918 ; № 270. 10.12.1918.

в ст. 9 как условие применения социалистического правосознания при назначении судьями наказания. Причем данное применение осуществлялось по аналогии закона и в соответствии с инструкциями Наркомюста РСФСР. Вольность трактовки судьями советских законов допускалась с юридической, но не с идеологической точки зрения.

Решения пролетарских судей к началу 1920-х гг. перестали основываться на их собственном разумении как революционно настроенных трудящихся. Объем применяемой репрессии контролировался высшими органами советской власти по принципу единства судебной практики²⁵. С этой целью давались систематические инструктивные разъяснения по поводу меры репрессий по отдельным видам преступлений²⁶, указания по конкретным политическим судебным делам²⁷ и пр.

Коммунистическая партия начала осуществлять жесткий отбор кадров народных судов и революционных трибуналов. Из судов убрали «старых» юристов, неспособных осуществлять пролетарское правосудие, и назначали проверенных товарищей, способных на деле применить репрессию против врагов советской власти, агентов буржуазии, прежде всего меньшевиков и эсеров, и лиц, злоупотребляющих нэпом²⁸.

Так, если в 1922 г. 49 % председателей советских народных судов были беспартийными, то в 1924 г. 98,1 % председателей губернских судов являлись членами РКП(б)²⁹.

Как писал один из разработчиков концепции Судебной реформы 1922 г. А. Лунин, советский суд осуществляют профессиональные судьи, коммунисты, способные провести диктатуру пролетариата. Поскольку они являются частью народа, то и суд народный³⁰. От народных судей требовалось, чтобы они стали проводниками социалистических идей и обеспечивали приоритет интересов государства над частными интересами в условиях нэпа³¹.

Соблюдение судьями юридических процедур расценивалось как проявление бюрократизма и волокиты³². Партия объявила борьбу с индивидуализмом юридического мышления судей. В основном она велась методом устранения из судов интеллигенции³³. При этом в целом количество народных судов сократилось в РСФСР с 2 555 в 1921 г. до 1 723 в 1923 г.³⁴ Данное сокращение сопровождалось личными чистками. По данным Наркомюста РСФСР, только в 36 российских губерниях было уволено 1 446 судей и других работников суда, что позволило в том числе освободить судебную систему от критиков политики Советского государства³⁵.

Понимание классового подхода для судьи было не менее значимо, чем знание действующего законодательства. Устарелость и пробелы этого законодательства нередко приводили к тому, что весьма существенные правовые вопросы разрешались не законом, а постановлениями Пленума Верховного Суда СССР или ве-

²⁵ Крыленко Н. В. К реформе действующей судебной системы // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. С. 4.

²⁶ Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 г. М., 1922. С. 28.

²⁷ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 44. С. 110.

²⁸ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 44. С. 397.

²⁹ Основные итоги работы губернских (областных) народных судов РСФСР в 1924 г. М., 1925. С. 12.

³⁰ Материалы НКЮ. Вып. XVI–XVII. С. 36.

³¹ Хмельницкая А. И. Красное право и красный суд. Одесса, 1921.

³² Стучка П. И. Мысли о нашем правосудии. II : Судебный бюрократизм // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 22. С. 507.

³³ Брандербургский Я. О социальном составе советского суда // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 24. С. 554.

³⁴ Брандербургский Я. Указ. соч. С. 553.

³⁵ Зенкевич В. Итоги работы по проверке и чистке личного состава в органах юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 17. С. 396.

домственными инструкциями. В этом состоянии находились, в частности, такие жизненно важные для граждан вопросы, как жилищный наем, обязательства, возникающие из причинения вреда, и др.

Анализ источников по применению советских законов и социалистического правосознания в юридической практике первого десятилетия советской власти позволяет сформулировать ряд выводов.

Игнорирование юридико-технических требований к законам, их временный характер и использование в качестве юридической оболочки для реализации политических решений лишало законодательное регулирование его формально-юридической значимости и самостоятельной роли общеобязательного способа решения правовых конфликтов, обеспеченного силой легализованного принуждения государства. Следствием дефектности законодательного регулирования становилось расширение дискреционных полномочий различных советских органов и должностных лиц.

В такой ситуации социалистическое правосознание рассматривалось в качестве ключа к пониманию советских законов и к их применению. На практике социалистическое правосознание позволяло правоприменителю осознавать общественно-политическую обстановку, в которой действовал закон, исходя из этого давать оценку фактическим обстоятельствам и решать дело на базе применяемого закона.

По мере укрепления социалистической законности социалистическое правосознание утрачивало роль источника права и становилось способом обеспечения единства правотворчества и правоприменения на марксистско-ленинской идеологической платформе. С его помощью устанавливалась взаимосвязь содержания права и политики, проводимой коммунистической партией. Кроме того, с помощью социалистического правосознания отчасти решалась проблема применения законов по аналогии в условиях частого изменения правительственного курса.

Советская власть использовала социалистическое правосознание и для укрепления механизма Советского государства, создания в его структуре гибкого инструмента для корректировки стремительно устаревающего противоречивого законодательства.

Методом централизации, постоянных чисток и ротации кадров советское руководство осуществило трансформацию судебной правовой деятельности в судебную работу, лишенную независимости, несменяемости судей, подчиненную многочисленным ведомственным актам, нацеленную на реализацию задач государства диктатуры пролетариата.

Механизм отмены любого решения нижестоящего суда, личная ответственность вышестоящих судей за правильную работу нижестоящих судей практически исключила появление судебных решений, противных интересам Советского государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н., Тимашев Н. С. Источники права // Право Советской России. Вып. 1 : [Источники права. Государственный строй. Административное право. Публично-хозяйственное право]. — Прага, 1925. — С. 7–29.
2. Архипов К. А. Опубликование и вступление в силу советских законов // Советское право. — 1926. — № 1. — С. 13–29.
3. Архипов К. А. Основные моменты эволюции понятия советского закона // Советское право. — 1925. — № 5. — С. 17–33.
4. Архипов К. А. Закон в советском государстве. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. — 157 с.
5. Брандербургский Я. О социальном составе советского суда // Еженедельник советской юстиции. — 1923. — № 24. — С. 553–554.
6. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. — М. : Археографический центр, 1997. — 450 с.

7. *Зенкевич В.* Итоги работы по проверке и чистке личного состава в органах юстиции // *Еженедельник советской юстиции*. — 1923. — № 17.
8. *Крыленко Н. В.* К реформе действующей судебной системы // *Еженедельник советской юстиции*. — 1922. — № 5. — С. 3–5.
9. *Курский Д. И.* На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919–1926. — М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. — 134 с.
10. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. — 5-е изд. — М., 1958–1966.
11. *Магазинер Я. М.* Избранные труды по общей теории права / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. К. Кравцов. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. — 352 с.
12. *Перетерский И.* «Примечания» в законе // *Советское право*. — 1928. — № 2. — С. 69–71.
13. *Понтович Э. Э.* Понятие и значение закона в советском государстве // *Советское строительство*. — 1928. — № 7 (Июль). — С. 43–57.
14. *Португалов Г. М.* Революционная совесть и социалистическое правосознание. — Петербург, 1922. — 52 с.
15. *Стучка П. И.* Мысли о нашем правосудии. II : Судебный бюрократизм // *Еженедельник советской юстиции*. — 1923. — № 22. — С. 505–507.
16. *Успенский Л.* Успехи и трудности социалистического строительства. — М. : Издание райсовета Красно-Пресненского района Мособлит, 1931. — 35 с.
17. *Чельцов-Бебутов М. А.* Социалистическое правосознание и уголовное право революции. — Харьков, 1924. — 92 с.
18. *Шатковская Т. В.* Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // *Юрист-Правовед*. — 2008. — № 3 (28). — С. 87–92.

Материал поступил в редакцию 17 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N., Timashev N. S. *Istochniki prava* // *Pravo Sovetskoy Rossii*. Vyp. 1: [Istochniki prava. Gosudarstvennyy stroy. Administrativnoe pravo. Publichno-khozyaystvennoe pravo]. — Praga, 1925. — S. 7–29.
2. Arkhipov K. A. *Opublikovanie i vstuplenie v silu sovetskikh zakonov* // *Sovetskoe pravo*. — 1926. — № 1. — S. 13–29.
3. Arkhipov K. A. *Osnovnye momenty evolyutsii ponyatiya sovetskogo zakona* // *Sovetskoe pravo*. — 1925. — № 5. — S. 17–33.
4. Arkhipov K. A. *Zakon v sovetskom gosudarstve*. — M.; L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1926. — 157 s.
5. Branderburgskiy Ya. *O sotsialnom sostave sovetskogo suda* // *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. — 1923. — № 24. — S. 553–554.
6. Bukov V. A. *Ot rossiyskogo suda prisyazhnykh k proletarskomu pravosudiyu: u istokov totalitarizma*. — M.: Arkheograficheskiy tsentr, 1997. — 450 s.
7. Zenkevich V. *Itogi raboty po proverke i chistke lichnogo sostava v organakh yustitsii* // *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. — 1923. — № 17.
8. Krylenko N. V. *K reforme deystvuyushchey sudebnoy sistemy* // *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. — 1922. — № 5. — S. 3–5.
9. Kurskiy D. I. *Na putyakh razvitiya sovetskogo prava. Stati i rechi*. 1919–1926. — M.: Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu RSFSR, 1927. — 134 s.
10. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* — 5-e izd. — M., 1958–1966.

11. Magaziner Ya. M. Izbrannye trudy po obshchey teorii prava / otv. red. d-r yurid. nauk, prof. A. K. Kravtsov. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2006. — 352 s.
12. Pereterskiy I. «Primechaniya» v zakone // Sovetskoe pravo. — 1928. — № 2. — S. 69–71.
13. Pontovich E. E. Ponyatie i znachenie zakona v sovetskom gosudarstve // Sovetskoe stroitelstvo. — 1928. — № 7 (Iyul). — S. 43–57.
14. Portugalov G. M. Revolyutsionnaya sovest i sotsialisticheskoe pravosoznanie. — Peterburg, 1922. — 52 s.
15. Stuchka P. I. Mysli o nashem pravosudii. II: Sudebnyy byurokratizm // Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii. — 1923. — № 22. — S. 505–507.
16. Uspenskiy L. Uspekh i trudnosti sotsialisticheskogo stroitelstva. — M.: Izdanie raysoвета Krasno-Presnenskogo rayona Mosoblit, 1931. — 35 s.
17. Cheltsov-Bebutov M. A. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i ugovnoe pravo revolyutsii. — Kharkov, 1924. — 92 s.
18. Shatkovskaya T. V. Mesto obychnogo prava v regulirovanii zemelnykh otnosheniy v pervye gody sovetskoy vlasti (1917–1922 gg.) // Yurist-Pravoved. — 2008. — № 3 (28). — S. 87–92.